Обратно

Повесть

(Продолжение. Начало в № 2/38)

Не лучшим образом у меня обстояли дела и с чувством подлинной вины. Вины как виноватости. Оно тоже, если и присутствовало во мне в тот момент, то в совершенно извращенном состоянии и в ничтожном количестве. Ничтожность эта была обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, моим эгоизмом: сначала «я», все остальное лишь после того, как будут решены лично мои проблемы.

Во-вторых, огрубелостью сердца. Степень духовно-нравственной деградации была во мне настолько велика, что проникнуться настоящим состраданием к кому-либо, кроме самого себя, я был просто не способен. Сказать, что в тот момент мне было абсолютно никого не жалко, было тоже преувеличением. Жалко было всех. И убитых с их близкими. И брата с его навсегда искалеченной судьбой. И обреченных на страдания и лишения детей и жену. Но жалость эта была не той, не из сердца, а чисто рассудочной – никаких чувств, исключительно лишь голые силлогизмы: бесцветно-бесплодные. Чувство же виноватости есть плод лишь совместной деятельности ума и сердца, мои же (сердце и ум), в дополнение ко всем прочим моим отклонениям от нормы, действовали во мне совершенно разбалансированно – каждый сам по себе.

Как еще одну причину отсутствия во мне чувства виноватости я бы назвал уже упомянутую мною выше трусость. Нагадив, я, как и всякий мелкий пакостник, старался теперь убежать и спрятаться. От всего и от всех. Не вспоминать, не думать, улизнуть, скрыться – пусть даже в самой смерти. Только бы не смотреть на мучающихся, обвинявших, молящих о помощи.

В одной из проповедей митрополит Антоний Сурожский вспоминает случай из собственной биографии, когда трехмерность времени для него исчезла, перестала существовать, сжавшись до одномерности.

Нечто подобное в те дни происходило и со мной. Прошлое и будущее моей жизни вдруг, словно края бересты, скрутились в узкую полоску, уменьшив тем самым всю мою жизнь до размеров одного лишь настоящего. «Вчера» и «завтра» исчезли, осталось только «сейчас».

Так взгляд в будущее стал для меня больше невозможен. Оно было напрочь отсечено от меня приговором суда – впереди были только смерть и пустота. Оглядываться же в свое «вчера» было и противно и жутко: свое прошлое, стараясь как можно подальше запрятаться от поражения и позора, я тем самым отсекал от себя сам. Отсекая же его, я отсекал вместе с ним и все содержащиеся в нем причины и поводы для покаяния – для возникновения во мне этого самого чувства виноватости. С водой – и ребенка.

Что же касается механизма этого отсечения «вчера» и «завтра», то все сводилось к тому, что я запрещал себе вспоминать и думать. И, на мой взгляд, именно это — не позволять себе думать и вспоминать, борьба с собственным разумом, упорно не желающим отказываться от привычки все время что-то анализировать и взвешивать, думать о «вчера» и о «завтра», в камере смертника, – и есть самое трудное.

Борясь со своим разумом, я всеми силами старался удержать мысли в этой узкой полоске, в «сегодня», в «сейчас», и даже не в ней, а над ней. Старался отсекать все, что могло вывести меня из этого «спасительного» состояния заземления.

Одним из самых доступных средств «зависнуть» над действительностью были газеты и книги – прочитываемые смертниками в буквальном смысле от точки до точки.

Газету давали по одной в день, пять раз в неделю, книгу – одну на десять дней. Библиотекаря звали Светлана Николаевна. «Что будем читать?» – спрашивала она, переходя от камеры к камере. Смертники выбирали книгу исходя исключительно лишь из ее объема: «Которая потолще». Стаднюк или Фаст, Толстой или Моэм – не исключение в этом плане был и я, – лишь бы «наподольше». Однако какого бы объема ни была полученная книга, прочитывалась она в один присест, за сутки. И чтобы в остающиеся девять голова снова не принялась за думанье, я занимал ее каким-нибудь цитированием, заучиванием всего, что попадалось на глаза. Повышенная способность к запоминанию – тоже одна из особенностей состояния приговоренного к смерти. «Самая быстродвижущаяся звезда находится в созвездии Змееносца... Головка спички состоит из 16 компонентов... Имя жены Третьякова – Вера Николаевна...» – 13 лет прошло, а втемяшенное в те дни остается в памяти, словно вдавленное траками. Что угодно, лишь бы подальше от самого себя.

Оспаривать утверждение, что всякое бегство от действительности — трусость, нет смысла, это аксиома. Аксиомой же является и то, что в средство спасения человека Бог может обращать и само зло, и ту же трусость.

У В.Солоухина есть слова: «Живя на земле, стремиться в небо – вот человека редкостный удел». И само слово «человек», по-гречески «антропос», означает «вверх обращенный». И мне временами кажется, что в том моем стремлении уйти от действительности, кроме трусости, негативных причин, была и позитивная сторона. А именно: уход от заботы дня, сиюминутности. Сказано: «...не ищитие, что вам есть, или что пить...» (Лк 12, 29), потому что «одно только нужно», что не отнимется. (Лк 10, 42). И потому, возможно, вопрос не столько в том, убегать или не убегать от действительности, сколько в том, куда именно. Тридцать два года уподобляясь мечащейся в неводе рыбе, я совсем упустил из виду, что мир – это не только горизонтальная плоскость, ширина и длина, что в ней есть еще и высота – вертикаль. Что для того чтобы быть свободным и счастливым, всего-то и нужно – изменить направление: рыбе – движения, мне – взгляда. Ей – чуть подпрыгнуть, мне – повернуть сердце к небесам, где «нет беса», но есть Он.

«Живя на земле, стремиться в небо – вот человека редкостный удел»

А потому убегающий в камере смертника от действительности, боящийся сунуться как в свое будущее, так и в свое прошлое, зажаться меж ними, как в тисках, я вовсе не сам, а самой ситуацией стал медленно выдавливаться вверх...

Четвертой причиной, которая, на мой взгляд, препятствовала возникновению во мне чувства виноватости, был мой рационализм. Так, стоило во мне появиться лишь намеку на какое-то сочувствие, сострадание к тем, кому причинил зло, и я тут же уничтожал его какой-нибудь антитезой извращенной «целесообразности». «Выплеснутую воду назад не соберешь... Ну начну еще я здесь биться головой – станет от этого хоть кому-нибудь легче?»

Убийцам почему-то часто задают вопрос: ну а случись чудо, все вернулось бы к роковой минуте – убил бы снова? Мне кажется, что это вопрос риторический. Убийцы, естественно, отвечают только одно: «Нет». Но можно ли принимать это «нет» за первые проблески покаяния? Конечно же, нет. Действительно, чтобы убитые оказались вновь живыми, больше всех (исключая родных убитого) желает, конечно, сам убийца. Однако руководствуется он при этом, в подавляющем большинстве случаев, отнюдь не сокрушением о содеянном, не сострадательностью, а в первую очередь, конечно же, все тем же животным инстинктом самосохранения, стремлением спасти собственную шкуру: оживи сейчас каким-либо чудом мои потерпевшие – автоматически возвращаюсь в свое благополучие и я.

И еще одно обстоятельство, имеющее отношение к вопросу о виноватости. О нем говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Не признавай свои слабости как свои собственные, а признавай как дела дьявола в твоем сердце, и тогда тебе легче будет признать себя неправым». Я не о том, что у «сильного всегда всесильный виноват», что все нужно валить на дьявола. Но мне кажется, что, имей и я в то время хоть какое-то представление о существовании у меня ТАКОГО подельника, одурачившего и погубившего стольких и таких – не мне чета, — «которому и проиграть-то не так уж и стыдно», мне было бы гораздо легче уже с самого начала признать себя и виновным, и виноватым.

Таким образом, все, что я имел на тот момент это вместо образумляющего страха – трусость, вместо выводящего к покаянию чувства вины – саможаление.

(Продолжение следует.)

ТЮРЕМНАЯ ХРОНИКА

окормления православная работа с осужденными способствует и их социальной адаптации после освобождения на свободу.

В настоящее время совместными усилиями на территории российских исправительных учреждений построены 360 православных храмов, 506 молитвенных комнат, еще 71 церковь в процессе возведения. Функционирует 755 православных общин общей численностью 41,5 тыс. человек.

Служба коммуникации ОВЦС МП

Православные заключенные избавляются от страстей

Главный редактор газеты «Свет Православия» Николай Лобастов в течение пяти лет проповедует в мужской колонии общего режима № 16 (ФГУ ИК-16, поселок Просек Лысковского района Нижегородской области). Тюремная педагогика требует активной духовной практики. Три года назад Николай Алексеевич поступил в Свято-Тихоновский гуманитарный университет, с 2001 года посещает отряды заключенных колонии и беседует с ними о Боге и нравственности, о православной вере и путях ее исполнения.

По мнению Николая Лобастова, сейчас вопросы духовной практики стали очень актуальными. «Многим заключенным уже ясно, что правда на стороне Церкви, все вопросы уже касаются того, как идти по пути исправления. Часто слышу: «Дай мне средства, дай мне метод, покажи, как!»

Вопрос миссионерства в местах заключения — это, прежде всего, вопрос свободы, подготовки человека к выходу в мир. Некоторые заключенные не видели волю с 14 лет.

По мнению Николая Лобастова, служение миссионера двояко: с одной стороны, необходимо успеть заложить основы внутренней свободы от греха, с другой — максимально наполнить души теплом простого человеческого общения, чтобы, находясь в заключении, человек не озлобился на мир.

ФГУ ИК-16 — мужская колония общего режима. В колонии регулярно, три-четыре раза в неделю, совершается Божественная литургия, служатся молебны и панихиды, совершаются крестные ходы. В стадии завершения находится строительство православного храма во имя Казанской иконы Божией Матери.

Пятьдесят заключенных исправительной колонии ФГУ ИК-16 поселка Просек уже полгода изучают Закон Божий в рамках разработанного Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом курса дистанционного обучения для осужденных.

Духовным окормлением заключенных занимается настоятель храма в честь святителя Николая поселка Просек иерей Владимир Антипин. Православные дисциплины заключенным помогают изучать студенты Нижегородской духовной семинарии, которые проходят практику в колонии по Основам тюремного служения.

28 февраля в молитвенной комнате исправительной колонии № 16 состоялось вручение диплома II степени конкурса православных общин в заключении «Не числом, а смирением».

Сайт Нижегородской епархии

В женскую колонию передали записи духовных радиопрограмм

Некоторое время назад журналисты радиоканала «Воскресение» побывали в женской колонии под Нижним Тагилом, где беседовали с заключенными и персоналом колонии. Радиопередача о судьбах женщин, свернувших с пути истинного, в эти дни готовится к выходу в эфир.

Кроме того, журналисты передали в колонию диск с записью 35 радиопрограмм духовной тематики — в библиотеке колонии есть вся необходимая аппаратура для прослушивания. Осужденные смогут услышать наставления священника, духовные беседы, стихи и рассказы, притчи.

В беседе с журналистами радио «Воскресение» многие осужденные женщины говорили, что постоянно думают о своих детях, о том, какой вред причинили им своим необдуманным поведением. Многие заключенные постоянно молятся, имеют при себе нательные крестики, иконы святых небесных покровителей, молитвословы. Услышать духовную передачу для каждой из них будет большим утешением.

ИА Екатеринбургской епархии